

А. П. Шувалов

Письмо молодого русского вельможи к ***

XVIII век. Сборник. Выпуск 1.

Изд-во АН СССР. М.; Л., 1935

Оригинал здесь -- <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=6001>

Один из моих друзей, давно проживающий в Петербурге, на вопрос мои о новинках русской литературы, сообщил мне, что двое молодых русских вельмож, оба камер-юнкеры, из которых наиболее взрослому -- всего двадцать два года, {Барону Александру Сергеевичу Строганову было в это время на самом деле 27 лет.} а у наиболее бедного -- четыреста тысяч ливров дохода, возвратились недавно в свое отечество, объездив почти все европейские дворы и привезя с собой одни лишь только добродетели иноземцев, а также любовь к наукам и искусствам, которыми они сами с успехом занимаются. Ученые люди справедливо видят в них своих русских меценатов. Недавно они организовали маленькое литературное общество, для допущения в которое нужно обнаружить таланты, остроумие и любовь к труду. Общество это состоит только из русских и французов. Громадное пространство, разделяющее оба государства, существует как будто только для того, чтобы сблизить гений, остроумие и самое сердце обоих народов. Письмо, которое пересылаю Вам, милостивый государь, касается двух наиболее известных русских поэтов и написано графом А. Ш., {В подлиннике -- А. S. -- так как Шуваловы и по-французски писали свою фамилию согласно немецко-французской орфографии: Schonwaloff.} одним из тех двух молодых вельмож, о которых я Вам говорю. Оно было прочитано на одном из интимных заседаний этого литературного общества.

Вы спрашиваете, милостивый государь, мое мнение о двух русских поэтах, украшающих мою родину. Вы хотите знать их дарование и красоты; не легко удовлетворить вас и оценить достоинства Ломоносова и Сумарокова (Somogokof), достойных того, чтобы их знало потомство.

Ломоносов -- гений творческий; он отец нашей поэзии, он первый пытался вступить на путь, который до него никто не открывал, и имел смелость слагать рифмы на языке, который, казалось, представляет весьма неблагоприятный материал для стихотворства; он первый устранил все препятствия, которые, мнилось, должны были его остановить; он первый испытал торжество над той досадой, которую испытывают писатели-новаторы, и не руководствуемый никем, кроме собственного дарования, преуспел, вопреки нашим ожиданиям. Он открыл нам красоты и богатства нашего языка, дал нам почувствовать его гармонию, обнаружил его прелесть и устранил его грубость.

Избранный им жанр наиболее трудный, требующий поэта совершенного и дарование разностороннее; это -- лирика. Нужны были все его таланты, чтобы в этом отличиться. Почти всегда равен он Руссо, {Имеется в виду не Жан-Жак, а Жан-Баптист Руссо (Jean-Baptiste Rousseau, 1670--1741), считавшийся в XVIII и начале XIX в. одним из крупнейших французских лириков} и его с полным правом можно назвать соперником последнего. Мысли свои он выражает с захватывающей читателей порывистостью; его пламенное воображение представляет ему объекты, воспроизводимые им с той же быстротой; *живопись его велика, величественна, поражающая, иногда* гигантского характера; поэзия его благородна, блестяща, возвышенна, но часто жестка и надута. Иногда он приносит в жертву гармонию стилю силе выражения; он отступает от своего предмета, почти всегда подымается над своей сферой и полагается на пылкость своего воображения.

Он велик, когда нужно изобразить избиение и ужасы сражений, когда нужно описать ярость, отчаяние сражающихся, когда нужно нарисовать гнев богов, их кары, которыми они нас наказывают, и бедствия, разоряющие землю; словом, все что требует силы и энтузиазма, его гений передает с огнем. Ода его о шведской войне {"Ода о шведской войне". Ода 2. На прибытие ее величества великия государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-петербург.} -- шедевр, который обессмертил его, здесь поэт проявляется во всей его силе.